

Содержание

Предисловие автора к изданию 1927 года	3
Предисловие автора к изданию 1936 года	4
Побег в бессмертие (<i>Перевод Н. Федоровой</i>)	6
Завоевание Византии (<i>Перевод Н. Федоровой</i>)	36
Воскресение Георга Фридриха Генделя (<i>Перевод Л. Миримова</i>)	68
Гений одной ночи (<i>Перевод Н. Федоровой</i>)	96
Судьбоносная минута Ватерлоо (<i>Перевод Н. Федоровой</i>)	115
Мариенбадская элегия (<i>Перевод Н. Федоровой</i>)	133
Открытие Эльдорадо (<i>Перевод Н. Федоровой</i>)	145
Героический миг (<i>Перевод Н. Федоровой</i>)	157
Первое слово через океан (<i>Перевод Н. Федоровой</i>) . .	165
Бегство к Богу (<i>Перевод Л. Миримова</i>)	191
Борьба за Южный полюс (<i>Перевод Н. Федоровой</i>) . .	231
Пломбированный вагон (<i>Перевод Л. Миримова</i>) . . .	253
Цицерон (<i>Перевод Л. Миримова</i>)	268
Вильсон уступает (<i>Перевод Л. Миримова</i>)	298
Примечания	322

Предисловие автора к изданию 1927 года

История подобно зеркалу отражает природу во всех ее неисчислимых и неожиданных формах, она не признает системы и презирает законы: то устремляется к цели, словно мощный поток, то вдруг создает событие из случайного дуновения ветерка. Иногда с долготерпением медленно нарастающих кристаллов она громоздит свои эпохи, а иногда трагически рассекает нависшие тучи яркой вспышкой молнии. Всегда созидающая, только в эти краткие мгновения гениального озарения она становится подлинным художником. Миллионы сил управляют мировыми событиями, но лишь редкий миг взрыва облакает их в трагические формы. Из целого столетия я попытался нарисовать пять таких мгновений, не окрашивая их внутренней правды в цвета своего воображения. Ибо история — там, где она совершенна, — нуждается не в исправляющей руке, а лишь в повествующем слове.

Предисловие автора к изданию 1936 года

Ни один художник не бывает художником изо дня в день, все двадцать четыре часа в сутки; все истинное, непреходящее, что ему удастся создать, он создает лишь в немногие и редкие минуты вдохновения. Так и история, в которой мы чтим величайшего поэта и творца всех времен, отнюдь не творит непрерывно. И в этой «таинственной мастерской Господа Бога», как назвал историю Гёте, происходит очень много незначительного и заурядного. И здесь, как повсюду в искусстве и в жизни, великие и незабываемые мгновения редки. Чаще всего история с бесстрашием летописца отмечает факт за фактом, прибавляя по звену к гигантской цепи, которая тянется сквозь тысячелетия, ибо каждый шаг эпохи требует подготовки, каждое подлинное событие созревает исподволь. Из миллионов людей, составляющих народ, родится только один гений, из миллионов впустую протекших часов только один становится подлинно историческим — звездным часом человечества.

Зато, если в искусстве явится гений, он остается жить в веках; если пробьет звездный час, он предопределяет грядущие годы и столетия; и тогда, по-

добно тому, как на острие громоотвода скопляется все атмосферное электричество, кратчайший отрезок времени вмещает огромное множество событий. То, что обычно протекает размеренно, пусть одновременно или последовательно, сжимается в это единственное мгновение, которое все устанавливает, все предрешает: одно-единственное «да» или «нет», одно «слишком рано» или «слишком поздно» предопределяет судьбу сотен поколений, направляет жизнь отдельных людей, целого народа или даже всего человечества.

Такие драматически напряженные, такие знаменательные мгновения, когда поворот событий, от которого зависит не только настоящее, но и будущее, совершается в один день, в один час или даже в одну минуту, — редки в жизни человека и редки в ходе истории. О некоторых, взятых из самых разных эпох и стран звездных часах — я назвал их так потому, что, подобно вечным звездам, они неизменно сияют в ночи забвения и тлена, — я попытался здесь напомнить. Нигде я не дерзнул при помощи собственных домыслов приглушить или усилить внутреннюю правду жизненных событий, скрытых или явных. Ибо в мгновения своего наивысшего мастерства история не нуждается в поправках. Там, где она творит, как вдохновенный поэт и драматург, ни один художник не смеет и мечтать превзойти ее.

ПОБЕГ В БЕССМЕРТИЕ

Открытие Тихого океана 25 сентября 1513 г.

Снаряжается корабль

При первом возвращении из открытой им Америки, в триумфальном шествии по переполненным улицам Севильи и Барселоны, Колумб показал народу великое множество драгоценностей и диковин, краснокожих людей доселе неведомой расы, невиданных зверей, крикливых разноцветных попугаев, неуклюжих тапиров, а еще — необыкновенные растения и плоды, которые вскоре приживутся в Европе, индийское зерно, табак и кокосовые орехи. Ликующая толпа разглядывает все это с любопытством и удивлением, однако королевскую чету и ее советников более всего волнуют ларчики и корзиночки с золотом. Золота Колумб привез из новой Индии немного, кой-какие украшения, выменянные или отнятые у туземцев, несколько маленьких слитков да две-три горстки золотых крупинок, скорее золотая пыль, чем золото, — всей добычи хватит разве только на чеканку сотни-другой дукатов. Но гениальный Колумб, всегда фанатично верящий в то, во что как раз хочет верить, и блестяще доказавший свою правоту, отыскав морской путь в Индию, — Колумб в порыве искреннего восторга хвастливо заявляет, что это

лишь начало. Он якобы располагает надежными сведениями о колоссальных золотоносных рудниках на недавно открытых островах; в иных местах драгоценный металл лежит совсем близко к поверхности, под тонким слоем почвы. Просто копни лопатой — и оно у тебя в руках. А дальше к югу есть королевства, где посуда на пирах у государей сплошь золотая и золото ценится ниже, чем в Испании свинец. Король, который вечно нуждается в деньгах, с упоением слушает рассказ об этом новом Офире¹, теперь принадлежащем ему, ведь о склонности Колумба к безудержным фантазиям пока известно недостаточно, чтобы сомневаться в его посулах. Сей же час снаряжают большой флот для второй экспедиции, и теперь, чтобы набрать команду, уже не надобны ни вербовщики, ни барабанщики. Весть о новооткрытом Офире, где золото хоть голыми руками бери, взбудораживает всю Испанию: сотнями, тысячами стекаются люди, чтобы отправиться в Эльдorado, в Золотую страну.

Но до чего же мутный поток алчность выплескивает из всех городов, весей и хуторов. Являются не только добропорядочные дворяне, желающие хорошенько вызолотить свой гербовый щит, не только дерзкие авантюристы и храбрые солдаты, но весь грязный сброд Испании, все подонки валом валют в Палос и Кадис. Клейменные воры, грабители и разбойники с большой дороги, ожидающие найти в Золотой стране более прибыльную работенку, должники, норовящие сбежать от кредиторов, мужья, которым опостытели бранчливые жены, — все сорвиголовы и неудачники, клейменные и разыскиваемые альгвасилами², стремятся в этот флот, сумбур-

ная шайка неудачников, твердо решивших наконец-то одним махом разбогатеть и готовых ради этого на любое насилие и любое преступление. В Колумбову басню, будто в тамошних краях только копни землю лопатой — и навстречу тебе засверкают золотые самородки, они уверовали до такой степени, что те, кто обеспечен получше, берут с собой слуг и мулов, чтобы увезти сразу побольше драгоценного металла. Кому не удастся попасть в экспедицию, тот без колебаний выбирает другой путь; нимало не заботясь о королевском разрешении, отчаянные авантюристы на свой страх и риск снаряжают корабли, лишь бы поскорее добраться за океан и нахапать золота, золота, золота; Испания разом избавляется от смутьянов и опаснейшего отребья.

Губернатор Эспаньолы (позднее Сан-Доминго, или Гаити) с ужасом смотрит на непрошенных гостей, заполняющих вверенный ему остров. Год за годом корабли привозят новый груз и все более разнузданных парней. Но и чужаки тоже горько разочарованы, ведь золото здесь отнюдь не валяется на дороге, а из несчастных туземцев, на которых эта мразь совершает набеги, уже ни крупницы не выжмешь. Вот они ордами и шныряют, разбойничают по всей округе, наводя ужас на горемычных индейцев и на губернатора. Тщетно он пытается сделать из них колонистов, наделяя каждого землей, скотом, не скупится даже на человеческий скот, то бишь шесть-семь десятков туземных рабов. Однако ни благородные идальго, ни бывшие разбойники не склонны заниматься сельским хозяйством. Не для того они явились сюда, чтоб выращивать пшеницу да пасти скот; ни к чему

им заботиться о посевах и урожае, вместо этого они терзают горемычных индейцев — и за считанные годы истребят все местное население — либо пьянствуют в кабаках. Очень скоро большинство влезают в такие долги, что вынуждены продать буквально все, чем владели, до последней рубашки, и попадают в полную зависимость от купцов и ростовщиков.

Потому-то все эти эспаньольские неудачники с радостью узнают о том, что в 1510 году уважаемый на острове человек — ученый юрист, бакалавр Мартин Фернандес де Энсисо³ — снаряжает корабль, намереваясь вместе с новой командой прийти на помощь своей колонии на terra firma, сиречь на континенте. Двое знаменитых авантюристов, Алонсо де Охеда и Диего де Никуэса⁴, получили в 1509 году от короля Фердинанда привилегию основать колонию поблизости от Панамского перешейка и побережья Венесуэлы, которую несколько скоропалительно называли Кастилья-дель-Оро, или Золотая Кастилия; воодушевленный звучным названием и замороженный байками, опытный ученый юрист вложил в это предприятие все свое состояние. Но из новой колонии в Сан-Себастьяне у залива Ураба золото не доставляют, оттуда доносится истошный призыв о помощи. Одна половина команды перебита в стычках с туземцами, вторая, того и гляди, перемерет с голоду. Чтобы спасти вложенные деньги, Энсисо, рискнув остатками состояния, снаряжает спасательную экспедицию. Как только разносится весть, что Энсисо нужны солдаты, все эспаньольские сорвиголовы, все бродяги нороят воспользоваться случаем и улизнуть вместе с ним. Только бы прочь отсюда, только

бы скрыться от кредиторов и от бдительного ока сурового губернатора! Но кредиторы тоже не дремлют. Примечают, что самые безнадежные должники задумали удрать от них навсегда, и осаждают губернатора: никто, мол, не должен уехать без его особого разрешения. Губернатор идет навстречу их пожеланию и устанавливает строгий контроль. Корабль Энсисо должен оставаться за пределами гавани, правительственные суда круглосуточно несут патрульную службу, дабы воспрепятствовать проникновению на борт незваных гостей. И с безмерной горечью лихие парни, которые смерти боятся куда меньше, нежели честного труда или долговой ямы, видят, как корабль Энсисо без них на всех парусах уходит навстречу приключению.

Человек в сундуке

На всех парусах корабль Энсисо идет от Эспаньолы к американскому континенту, очертания острова уже канули в синеву горизонта. Плавание спокойное, поначалу ничего особенного не происходит, ну разве только крупный и сильный легавый пес (сын знаменитой легавой Бесерикко, сам прославившийся под кличкой Леонсико) беспокойно шныряет по палубе, что-то вынюхивая. Никто не ведает, кому принадлежит могучий пес и как попал на борт. В конце концов примечают, что пес не отходит от большущего сундука с провиантом, который погрузили на корабль в последний день. Но смотрите-ка — сундук внезапно сам собой открывается, и из него вылезает мужчина лет тридцати пяти, с мечом, щитом и в шлеме, точ-

но Сантьяго, святой заступник Кастилии. Это Васко Нуньес де Бальбоа⁵, который таким вот манером являет первый образчик своей поразительной дерзости и изобретательности. Отпрыск благородного семейства из Херес-де-лос-Кабальерос, он простым солдатом отправился с Родриго де Бастидасом⁶ в Новый Свет и в итоге странствий очутился на Эспаньоле, у берегов этого острова его корабль потерпел крушение. Тщетно губернатор старался сделать из Нуньеса де Бальбоа бравого колониста; уже через месяц-другой он бросил отведенный ему надел на произвол судьбы, а впоследствии обнищал до такой степени, что знать не знал, как ему спастись от кредиторов. Но пока другие должники, сжав кулаки, тоскливо смотрят с берега на правительственные суда, не дающие им попасть на корабль Энсисо, Нуньес де Бальбоа дерзко обходит кордон Диего Колумба⁷: он прячется в пустом продовольственном сундуке, который его пособники заносят на борт, где в суматохе отплытия этот наглый и хитрый трюк остается незамеченным. И только когда корабль по его расчетам оказывается уже настолько далеко от берега, что не станет из-за него возвращаться, «заяц» выбирается из укрытия. Теперь можно.

Бакалавр Энсисо — юрист и, подобно большинству правоведов, к романтике не склонен. Как алькальд, то бишь человек, отправляющий правосудие в новой колонии, он не намерен терпеть там всяких чужеземцев и темных личностей. А потому резко заявляет Нуньесу де Бальбоа, что не собирается брать его с собой и высадит по пути на ближайшем острове, обитаемом или необитаемом.